

ДИСКУССИЯ:

ЭФФЕКТИВЕН ЛИ В НАУКЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД?

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.10

EDN: NBUSEB

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ: PRO ET CONTRA

Фонотов
Андрей Георгиевич¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Для цитирования: Фонотов А. Г. Мобилизационная модель управления наукой: pro et contra // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 135–147. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.10. EDN NBUSEB.

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются условия, перспективы и последствия использования мобилизационной модели управления (далее – ММ) в науке. Показано, что проблема мобилизации возникает тогда, когда политика вторгается в экономику с целью заставить её переключиться на достижение целей, находящихся за рамками текущей и перспективной хозяйственной конъюнктуры. При этом экономические механизмы, регулирующие хозяйственную деятельность, заменяются системой приоритетов для концентрации качественных ресурсов в сферах их собственного воспроизводства, обеспечивая в течение определённого периода максимально высокие темпы наращивания качественных ресурсов. Изменение направленности ресурсных потоков осуществляется за счёт дискриминации неприоритетных отраслей, что порождает технологическую несбалансированность и качественную неоднородность отраслевой структуры производства. Разрыв между приоритетной сферой и остальным хозяйством в условиях мобилизации может только возрасти, приводя со временем к его дезорганизации.

Обстановка мобилизации создаёт экстремально губительные условия для научно-инновационной деятельности. В рамках административно-командной системы разрушается научный этос, а учёный из исследователя и творца превращается в чиновника-распределителя, отвечающего за доступ к новому знанию и его интерпретацию, сращиваясь функционально с государственной бюрократией.

Логика событий, вытекающих из использования мобилизационной модели управления, приводит к разрушительным и дезорганизующим результатам. Ограниченное её применение возможно только в рамках отдельных проектов, непременным условием реализации которых является наличие независимой системы регулирования и контроля и строгие временные рамки её работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

мобилизационная модель управления, наука, качественные ресурсы, система приоритетов, мобилизационный проект, научный этос, административный человек

Мобилизационная модель управления (или развития, далее – ММ) в последнее время всё чаще упоминается в различных дискуссиях при обсуждении перспектив отдельных сфер экономики, производства и социума. Понятно, что в череде событий последних лет, увеличивающих неопределённость будущего, обращение к мобилизационным инструментам есть попытка противодействовать этой неопределённости.

В появляющихся публикациях ММ представляется не только как нечто неотвратимое, но и сопровождается рассмотрением доступного инструментария с опорой на каноны менеджмента [1] или на основы хозяйствования [2]. В этом смысле программа имплементации технологий ММ обретает всё более чёткие очертания. Но полной ясности с пришествием ММ нет из-за отсутствия строгого описания объекта её применения. Поэтому важно понять, в рамках какой системы предполагается использовать ММ и какие задачи она должна решать. Что имеется в виду: ММ в науке в условиях всеобщей мобилизации или локальная ММ – только в сфере науки? При этом следует учитывать, что при смене модели управления объект управления меняется, поскольку затрагиваются условия деятельности и ценностные установки акторов объекта управления, влияя на их поведение и результаты работы.

Мобилизационное управление и его последствия. Рассмотрим сначала ситуацию использования ММ в масштабах всей страны. ММ – это модель управления, ориентированная на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм. Основным субъектом ММ является государство. К использованию ММ прибегают в случаях возникновения внешних, экстремальных вызовов, угрожающих целостности и жизнеспособности системы.

Суть любой мобилизации сводится к принципу «цель – любой ценой», откуда, собственно, и вытекает сомнительная максима – «цель оправдывает средства», коль скоро речь идёт о выживании системы в не самых благоприятных обстоятельствах.

Как бы ни были эффективны усилия по преодолению сложных проблемных ситуаций, сопутствующих системным кризисам, войнам, масштабным катастрофам, а также другим серьёзным вызовам, включение ММ порождает не меньше, если не больше проблем, чем решает.

В общем случае, к использованию ММ прибегают тогда, когда политика вторгается в экономику с целью заставить её переключиться на достижение

целей, находящихся за рамками текущей и перспективной хозяйственной конъюнктуры. Ю. В. Яременко описал подобную ситуацию более сорока лет назад [3, с. 63–68]. Он исходил из того, что в любой хозяйственной системе одновременно используются разнородные ресурсы, всю совокупность которых в народном хозяйстве можно условно разделить на качественные и массовые. В экономической системе увеличение объёма качественных ресурсов является необходимым условием реализации целей общества. Для этого качественные ресурсы используются прежде всего для их собственного расширенного воспроизводства. С этой целью экономические механизмы, регулирующие ресурсные потоки и хозяйственную деятельность, заменяются так называемой системой приоритетов, представляющую собой совокупность ориентирующих и регламентирующих производственный процесс правил и требований, соблюдение которых обеспечивает преимущественную концентрацию качественных ресурсов в сферах их собственного воспроизводства. В результате в течение определённого периода обеспечиваются максимально высокие темпы наращивания качественных ресурсов. На практике это означает строгую очередность в распределении рабочей силы, средств производства, предметов труда и потребительских благ.

Однако режим насыщения качественными ресурсами одних производств может осуществляться только за счёт дискриминации каких-то других, то есть их изъятием у низкоприоритетных сфер жизнедеятельности. Это неизбежно, рано или поздно, порождает технологическую несбалансированность и качественную неоднородность производственного аппарата, когда передовые производства начинают соседствовать с архаичными и отсталыми предприятиями. Деградация последних неизбежна из-за финансирования и снабжения по остаточному принципу. Поэтому разрыв между приоритетной сферой и остальным хозяйством в условиях мобилизации может только возрастать. Яркий пример – нарастающее депрессивное состояние сельского хозяйства в СССР на фоне роста промышленного производства.

По мере накопления таких разрывов темпы развития страны начинают падать, а инвестиционный поток уменьшаться, обуславливая нарастающее отставание от мирового технологического прогресса, что и произошло в СССР, несмотря на отдельные бесспорные научные и технологические достижения.

Замедлить процесс хозяйственной деградации можно через использование системы компенсации. Она представляет собой совокупность мер по вовлечению в хозяйственный оборот массовых (то есть низкокачественных) ресурсов, включая свободные трудовые ресурсы, источники природного сырья, манипулирование с финансовой системой, усиление административного прессинга и пр.

Очевидно, что заставить работать систему общественного производства вне рамок естественных хозяйственных контуров и невзирая на экономическую конъюнктуру можно только с помощью жёстких мер принуждения. Эту функцию выполняла административно-командная система, использование которой в период военного коммунизма показало, что её результативность во многом определяется масштабами охвата объекта управления и жёсткостью принуждения. Приобретённый в эти годы опыт мобилизации составил

основу программы мер, применявшихся с разной интенсивностью в годы индустриализации, войны, послевоенного восстановления и последующих пятилеток.

Содержательно такая ситуация соответствует форсированному хозяйственному развитию в чрезвычайных обстоятельствах [4]. Наиболее рельефным проявлением такой политики являлась система фондирования и лимитного распределения ресурсов в народном хозяйстве бывшего СССР.

Однако в настоящее время использование ММ сталкивается с откровенной слабостью системы компенсации. В современной России потенциал трудовых ресурсов находится на пределе использования и поддерживается за счёт мигрантов. Сырьевые отрасли в условиях санкций и потери ряда рынков резко снизили компенсаторные возможности. Финансовые манипуляции в отсутствие экономического роста очень быстро приводят к социально-экономическому кризису, а административно-командные методы размываются в условиях рыночной экономики.

Но основная проблема использования ММ состоит в её разрушительном влиянии на воспроизводственные механизмы общественного производства. Причём, чем оно сложнее и более высокоразвито, тем сильнее уязвимы его воспроизводственные контуры и тем труднее оказывается их последующее восстановление. В самом деле, демократическое общество и рыночная экономика в процессе изменений условий жизнедеятельности обладают гораздо большим потенциалом адаптации и конструктивной реакцией на внешние вызовы. Политические, социальные и хозяйственные структуры, представленные в деятельности партий, гражданского общества, объединений предпринимателей, организаций науки и функционирующего рынка, осуществляют постоянный мониторинг и поиск ответов на проблемы развития. Этот сложно организованный комплекс, представляя собой своеобразную сеть с переменной ситуационной структурой взаимодействий, способен улавливать даже самые слабые сигналы и продуцировать варианты ответов на возникающие в работе социально-экономической системы проблемы и сбои. Из всех таких вариантов в результате опытной селекции, часто методом проб и ошибок, выявляются наиболее эффективные решения, реализация которых позволяет обеспечивать устойчивость систем жизнеобеспечения общества.

В случае ММ подобный механизм реагирования на опасности и кризисы разрушается и заменяется системой управления, в котором все акторы работают исключительно на целевую функцию мобилизации, государство становится единственным органом, через который отслеживается поток изменений и происходит реагирование на них в объекте управления и в среде жизнедеятельности. То есть происходит резкое сужение каналов взаимодействия внутри системы и со средой обитания, что критически сужает потенциал обнаружения и эффективного реагирования на проблемы развития. Реанимировать эту сеть после отмены работы ММ очень сложно. Так, уничтоженная в СССР система предпринимательства до сих пор, преодолевая значительные сложности, восстанавливает свою работоспособность.

Мы видим, что применение ММ в масштабах всей страны в современных условиях не способно обеспечить значимых результатов из-за отсутствия

условий её реализации. Более того, сегодня при переходе к ММ в условиях объективной слабости системы компенсации именно наука станет одним из объектов отъёма ресурсов в пользу приоритетных направлений государственной политики. Свидетельством этого является нарастающее недофинансирование научной сферы, падение престижа научной деятельности и постоянное сокращение в последнем десятилетии количества научных работников.

Насколько реальна мобилизация в науке? По своей сути мобилизационный проект управления (далее – МП) не отличается от любого проекта, представляя собой объединение субъектов, ресурсов и инструментов управления в заданных обстоятельствах и сроках реализации целей. Но что же тогда выделяет МП из общего проектного ряда? МП – это проект, сопровождаемый особыми условиями реализации. Он как бы вырывается из нормальной социально-экономической среды и помещается в некую искусственную реальность, в которой предполагается реализовать то, что невозможно в обычных условиях.

На практике МП стоит использовать только тогда, когда речь идёт о проекте полного инновационного цикла, объединяющего стадии исследований, разработок (ИР) и производства и призванного ускорить вывод инновационного продукта на рынок. То есть речь идёт о создании принципиально новой коммуникации между наукой и рынком в условиях невозможности осуществить это взаимодействие в рамках наличных ресурсов, акторов и структуры взаимодействий. Проблема в том, что превратить такой проект в самоподдерживающийся и в саморазвивающийся невозможно без наличия развитой бизнес-среды. Так, несмотря на лидерство в космической гонке, СССР создать самостоятельную отрасль космонавтики не сумел именно по этой причине, тогда как в США инициированный государством старт астронавтики со временем привёл к мощному и диверсифицированному космическому производству.

Вырванный однажды из естественной среды проект со временем неизбежно должен в неё вернуться. Однако незрелость этой среды может обесценить затраченные усилия. Так, реформы Петра I по вживлению передовых институтов и технологий нарождавшегося капитализма в крепостнической России после смерти царя были свёрнуты под напором рутины и пребывали в коматозном состоянии почти полтора века.

Одной из причин обращения к идее мобилизации в науке является стремление что-то противопоставить политике санкций, решая задачи обеспечения технологического суверенитета. То есть выделяются приоритетные направления научно-технического развития и к ним применяется мобилизационная модель управления.

Но, во-первых, высокая капиталоемкость современных научных направлений делает невозможным обеспечение сплошного фронта ИР. Ни одна страна в современном мире не способна развивать науку и экономику знаний без взаимодействия с зарубежными научными и инженерными школами. Объективная потребность в объединении усилий исследователей и взаимовыгодном обмене научными результатами стало причиной возникновения глобальной инновационной системы (ГИС), реализующей принцип откры-

тых инноваций Г. Чесбро [5]. Организационно этот процесс оформляется через создание международных научных коллективов и исследовательских платформ. К сожалению, взаимодействие российской НИС с ГИС сегодня осложнено.

Во-вторых, санкции ещё больше усугубляют ситуацию объективной ограниченности национальной инновационной системы, присущую любой стране, и резко осложняют деятельность по созданию наукоёмкой и высокотехнологической продукции. Президент России В. В. Путин заявил, что зависимость от иностранной приборной базы в России большая, а по некоторым направлениям составляет 90%. По его словам, без научного оборудования «работать невозможно, поэтому необходимо развивать отечественную приборную базу».¹ Очевидно, что современные реалии не способствуют полному научному и технологическому суверенитету ни для одной страны в мире.

Строго говоря, реализация максимального научного и технологического суверенитета в условиях тотальных санкций означала бы попытку создания полностью автономной самодостаточной научно-технологической системы. Чисто гипотетически подобную новую утопию можно себе представить, но на практике невозможно обеспечить лидерство или хотя бы самодостаточность по всему спектру ИР. Очевидно, что МП указанных проблем не решает.

Задача встраивания в ГИС актуальна для российской НИС. В докладе ЮНКТАД подчёркивается, что для НИС, интегрируемых в интернациональные ИР, открываются возможности развития, усиления и укрепления собственного потенциала. В то же время «это может усилить отставание тех, кто не смог влиться в ГИС» [6, с. 24].

Деформация институтов науки в условиях ММ. При рассмотрении таких жёстких и радикальных методов, какими являются мобилизационные модели управления, необходимо учитывать специфику науки как сложного института.

Принципы и нормы, на которых зиждется современная наука, сформировались под влиянием средневековой теологии. А. Уайтхед [7, с. 761] обращал внимание на общность истоков теологического и рационального взглядов на природу вещей, сформировавшихся в результате работ корифеев Английского Королевского общества, полагавших, что «целью исследования Природы является приумножение славы Божией и блага Человека» [8, с. 800–805]. То есть учёный, по мысли основоположников института современной науки, прикасается к божественному промыслу, выступая в качестве провозвестника и наперсника Провидения. Эта самоналагаемая на деятелей науки сопричастность к тайнам бытия влекла за собой и самую высокую моральную ответственность, без осознания которой воображаемый негласный договор с высшими силами разрывался, а учёный, подобно Фаусту, низвергался с жреческого пьедестала.

Правомерно предположить, что по мере роста авторитета научного знания и сайентификации всех сфер жизнедеятельности те ценности, которые сформировались в процессе культивирования научного метода в естествознании и в науке в целом, должны распространяться на всё общество. Конечно,

¹ Путин оценил зависимость России от иностранного оборудования по некоторым направлениям в 90% // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5695558> (дата обращения 20.02.2023).

отдельные положения этих ценностных установок могут по-разному интерпретироваться в зависимости от специфики предмета деятельности. Тем не менее они должны оставаться неизменными по своей сути, если мы хотим, чтобы получаемый результат отвечал требованиям научности.

Одним из первых, уделивших внимание этой стороне научной деятельности, то есть – научному этосу, был, безусловно, Р. Мертон [8, с. 770–781]². Он сформулировал основные условия деятельности научного этоса, включавшие четыре ключевых принципа:

- **универсализм**, т. е. убеждения, что естественные закономерности имеют всеобщий и устойчивый характер; поэтому истинность утверждений относительно них не зависит от субъекта исследований;
- **общность**, подразумевающая, что знание должно свободно становиться общим достоянием;
- **бескорыстность**, означающая, что учёный не должен использовать свои открытия для личной выгоды – финансовой, престижной или прочей; отсюда также следует, что поиск истины не должен ориентироваться ожиданиями возможных благ, иначе это неизбежно привело бы к её искажению;
- **организованный скептицизм**, т. е. ответственность каждого учёного за оценку доброкачественности работы других и за предание этих своих оценок гласности.

Следовательно, научный этос, основываясь на определённых личностных качествах учёного, является достаточно хрупким и уязвимым образованием. С одной стороны, он предполагает высокую степень свободы творчества, сопряжённую с инициативой, предприимчивостью, любознательностью, а с другой – адекватную этой свободе высочайшую ответственность перед научным сообществом и обществом в целом за выбор направлений исследований, за качество интерпретации результатов и (что оспаривается многими авторами) за последствия их использования. Личность, обладающая подобными качествами или же отвечающая указанным требованиям, может сформироваться только в определённых социальных условиях. Сам Р. Мертон связывал подъём науки в Англии XVII века с условиями, которые определялись господством пуританских ценностей в обществе того времени.

Однако в условиях мобилизации, требующей заданного результата любой ценой, учёный, неизбежно превращаясь в элемент административной системы, выталкивается за рамки требований научного этоса.

ММ, сопровождаемая ростом тотального контроля государства над жизнью общества, включая все его звенья и структуры, дискреционные полномочия властей, подавление любого инакомыслия, причём не только таящего опасность для власти, но и нейтрального по отношению к ней, – губительна для любой творческой деятельности, а научной – в первую очередь.

Мобилизация в любых формах – это «эликсир бодрости» для тоталитарного государства. Какими бы просвещёнными ни были его правители и как

² Подобная политика не могла пройти бесследно для научного этоса. Понятие «этос» включает «кодекс поведения» профессиональных групп и имеет особые черты для специальностей, связанных с созданием нового знания и накопления интеллектуального капитала.

бы широко они ни смотрели на мир, главное для них – власть ради власти, а остальные, не связанные с этой функцией проявления жизни общества и людей, рассматриваются под углом зрения полезности или бесполезности. Всё бесполезное отвлекает людей от полезной (по этому критерию) работы и тем самым ослабляет процесс усиления власти.

Несмотря на разрушение научного этоса, которое искажает процесс поиска научной истины, тоталитарное государство требует, чтобы наука и техника работали на укрепление власти и её авторитета. Это, в первую очередь, технические, инженерные исследования и связанные с ними отрасли фундаментальной науки и затем – те направления гуманитарных наук, которые формируют идеологический базис тоталитарного правления.

Однако из-за разрушения фундаментальных ценностей институты науки нормально и полнокровно функционировать не могут. Приоритет «пользы» вместо приоритета «истины» разрушает ткань исследовательской работы, делает неполноценными результаты исследований. Такая деформация начинается с прямой агрессии властей по отношению к «вредным», а затем – и «бесполезным» сферам науки и творчества. Последствия этого акта многообразны. Прежде всего, разрушаются ценностные установки, регулирующие функционирование научного сообщества. На смену самостоятельному, независимому исследователю приходит конформист, вместо организованного скептицизма воцаряется дух конъюнктуры, вместо универсализма всячески подчёркивается специфика науки в тоталитарном обществе (марксистско-ленинская философия, советская математика, немецкая физика 30-х годов как антитезы буржуазным направлениям соответствующих отраслей знания). Наука и образование как бы окукливаются под маркой возрождения традиций, игнорирования и отказа от пагубного иностранного влияния и международного взаимодействия.

Стоит напомнить, что мобилизация науки уже имела место в СССР. Советское руководство в 20–30-е годы XX века намеревалось максимально использовать небогатый, но качественный научно-технический потенциал, унаследованный от царской России, для решения насущных социально-экономических проблем. В процессе подготовки первого пятилетнего плана его цели, задачи и предварительные прикидки мероприятий были раскритикованы специалистами и научной общественностью, поскольку страдали отсутствием серьёзного научного обоснования, были далеко не бесспорными и формулировались с откровенным волюнтаризмом и политиканством.

Чтобы направить исследовательскую мысль в «правильное» русло и сделать голос научного сообщества созвучным партийным интересам, были предприняты радикальные меры. Так, в 1927 году для организации научной деятельности в соответствии с официальной идеологией была учреждена Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНITCO) [9]. Это «содействие» началось с разработки рекомендаций, содержащих «на выбор» методы «борьбы» с нелояльными учёными – от подрыва их авторитета в научной среде до «активной борьбы путём общественного разоблачения и изоляции (требование снятия с работы), а в отношении лиц, не признающих ВАРНИТСО, прямая и открытая борьба вплоть до полного их морального уничтожения» [10].

Одним из руководителей ВАРНИТСО – Б. И. Збарским – был выдвинут лозунг: «в деле раскрытия вредительств “вызвать на соревнование” ОГПУ»³. Последовавшие вскоре процессы по Шахтинскому делу и Промпартии показали, что «моральное уничтожение» оказалось полумерой. В 1929–1931 гг. было сфабриковано «дело Академии наук», по которому было арестовано свыше 100 человек [11].

С этого момента начинается мобилизация науки, то есть тотальное подчинения науки государству. Её неизбежным следствием стало господство политической конъюнктуры над интересами поиска объективной истины [10], повлекшее запрет ряда научных направлений, таких как генетика, кибернетика и целых отраслей гуманитарного знания (социология, отдельные направления экономической науки, философии, антропологии, языкознания и т. д.). И хотя с середины 1950-х годов советские учёные работали в условиях, очищенных от ужасов сталинских репрессий, мобилизационная парадигма продолжала давать о себе знать, меняясь под влиянием смены руководства страной – от «оттепели» 60-х гг. до «застоя» 80-х.

В одном из своих писем Н. Хрущёву П. Капица писал: «Учёного у нас запугивали, уж больно часто и много зря его “били”, и больше стало цениться, если учёный “послушник”, а не “умник”» [12].

Запрещение отдельных направлений науки одновременно распространяется на другие сферы творческой деятельности, приводя к постепенному обескровливанию культуры. А наука не может развиваться вне культурного контекста. Сказывается это не непосредственно, а, прежде всего, через ухудшение качества научных кадров. Во-первых, личность исследователя с какого-то момента перестаёт обладать необходимыми качествами для того, чтобы действовать в соответствии с требованиями ценностных установок науки. Во-вторых, воспитанные на культурных эрзацах деятели науки продуцируют такие результаты, которые не отвечают требованиям мировой культуры, являются ущербными, дегуманизирующими и чреватые серьёзными последствиями. Научные прорывы, достигнутые в ходе Манхэттенского проекта в США и Атомного проекта в СССР, в то же время стали причиной личных драм Р. Оппенгеймера и А. Сахарова, осознавших катастрофические последствия практической реализации их научных результатов.

Р. Мертон писал: «Наука не должна позволить себе стать служанкой теологии, экономики или государства... Ибо в случае принятия таких вненаучных критериев ценности науки, как предполагаемое согласие с религиозными доктринами, экономической полезности или политической благонадёжностью, наука начинает допускаться лишь в той мере, в какой она отвечает этим критериям. Иначе говоря, как только устраняется чувство чистоты науки, наука оказывается подчинена прямому контролю со стороны других институтов, и её место в обществе становится всё более и более неопределённым» [8, с. 758].

Очевидно, что достижения советской науки и техники до начала 60-х годов в немалой степени выросли на культурном и научно-техническом потенциале царской России. В этом смысле НЭП, индустриализация, оружие победы, атомный щит и космические успехи выросли на ниве русской культуры

³ Российский государственный архив экономики. Ф. 4394. Оп. 1 Ед. хр. 1.

XIX–XX вв., которую несли С. И. Вавилов, Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский, В. А. Базаров, Н. Е. Жуковский, В. Н. Ипатьев, Н. Д. Кондратьев, С. П. Королёв, И. В. Курчатов, И. П. Павлов, А. Н. Туполев, А. Е. Ферсман, К. Э. Циолковский, А. В. Чайнов и многие другие. Все эти выдающиеся учёные или сами росли и воспитывались в окружении богатейшей и многообразной русской культуры рубежа XIX и XX вв., или же учились у тех, кто был её непосредственным носителем. И если ценнейшая часть этого культурного наследия была утрачена, то именно мобилизация сыграла здесь не последнюю роль.

Обстановка мобилизации создаёт экстремально губительные условия для научно-инновационной деятельности. В рамках административно-командной системы учёный из исследователя и творца превращается чиновника-распорядителя, отвечающего за доступ к новому знанию и его интерпретацию, сраживаясь функционально с государственным чиновником. Последний, почувствовав это неожиданное родство, начинает «рядиться в тогу» протагониста высокой науки, рамки, цели и правила работы которой отныне определяются целями субъекта мобилизации – чиновника, а не балансом интересов всех значимых акторов государства, страны, её социума.

Превращение исследователя в административного человека меняет его ориентацию, ибо он стремится отныне не к поиску научной истины, а к соблюдению определённых требований, выполнению правил, достижению любой ценой приемлемых показателей. Условием удовлетворения потребностей такого субъекта бюрократической деятельности является соответствие нормам и канонам, а не поиск наилучших путей решения стоящих перед ним проблем. В соответствии с такой позицией решающее значение в процессе принятия решений имеет опыт, привычки, традиции, нормы, часто противоречащие научным рекомендациям. Выбор в любом случае должен быть бесконфликтным и его истинность определяется не логикой развития знания, а балансом интересов затрагиваемых стейкхолдеров мобилизационной модели.

Понятие «административный» человек логически вытекает из концепции бюрократии М. Вебера [13, с. 347, 350] и теории формальных организаций П. Блау [14, с. 93–105]. Основными чертами бюрократически построенных формальных организаций являются специализация, иерархия власти, система правил и безликость. И это главный продукт мобилизационного проекта, воплощаемый в протагонистах мобилизации.

Логика событий, вытекающих из последовательного развития мобилизационной модели управления, в любом случае знаменуется разрушительными и дезорганизующими последствиями. Ограниченное её применение возможно только в рамках отдельных проектов, непременным условием результативности которых является наличие здоровой, независимой от условий и целей ММ системы регулирования, которая контролирует и ограничивает действия мобилизационных методов чётко очерченным проблемным полем задач, решаемых данным проектом. Сложности возникают тогда, когда эти рамки должны соблюдаться теми самыми административными людьми, для которых ММ – привычная сфера жизнедеятельности, а мобилизация есть следствие ощущения опасности для себя, транслируемой во вне и подаваемой

как опасность для всей подотчётной им системы. А это, если и не делает неизбежным, всё равно не устраняет возможности поглощения мобилизацией любой здоровой научной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плюснин Ю. М.* Мобилизационное управление в науке // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 85–104. DOI 10.19181/sntp.2022.4.3.7. EDN GFPYZW.
2. *Пястолов С. М.* Мобилизационный проект как форма управления наукой // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 52–63. DOI 10.19181/sntp.2023.5.1.3. EDN CDPZUI
3. *Яременко Ю. В.* Структурные изменения в социалистической экономике. М. : Мысль, 1981. 300 с.
4. *Фонотов А. Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М. : Наука, 1993. 271 с.
5. *Чесбро Г.* Открытые инновации: создание прибыльных технологий / Пер. с англ. В. Н. Егорова. М. : Поколение, 2007. 336 с.
6. UNCTAD. Доклад о мировых инвестициях. Транснациональные корпорации и интернационализация НИОКР. ООН, Нью-Йорк и Женева, 2005.
7. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 720 с.
8. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
9. *Тугаринов И.* Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО) и идеологизация науки // Анализ опасностей и оценка техногенного риска : [сайт]. URL: <http://riskprom.ru/publ/30-1-0-360> (дата обращения: 25.02.2023).
10. *Коровин Е.* «Учёные» вредители и задачи ВАРНИТСО // ВАРНИТСО. 1930. № 9–10.
11. *Павленко Н.* «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ // Наука и жизнь. 1999. № 11.
12. *Капица П. Л.* Пять писем Н. С. Хрущёву // Знамя. 1989. № 5. С. 202.
13. *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
14. *Блау П. М.* Исследование формальных организаций // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М. : Прогресс, 1972. С. 93–105.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023.

Одобрена после рецензирования 10.05.2023. Принята к публикации 17.05.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фонотов Андрей Георгиевич *fonotov.ag@gmail.com*

Доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Author ID РИНЦ: 462740

ORCID: 0000-0002-0015-2499

Scopus Author ID: 55746588800

Web of Science ResearcherID: N-6151-2015

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.2.10

MOBILIZATION MODEL OF SCIENCE MANAGEMENT: PRO ET CONTRA

Andrey G. Fonotov¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

For citation: Fonotov, A. G. (2023). Mobilization Model of Science Management: Pro et Contra. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 2. P. 135–147. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.10.

Abstract. The conditions, prospects and consequences of using the mobilization management model (hereinafter MM) in science are considered. It is shown that the problem of mobilization arises when politics invades the economy in order to force it to switch to achieving goals that are beyond the current and prospective economic environment.

To this end, the economic mechanisms that regulate economic activity are replaced by a system of priorities for the concentration of quality resources in the areas of their own reproduction, ensuring the highest possible growth rates of quality resources over a certain period. The change in the direction of resource flows is carried out by discriminating against non-priority industries, giving rise to technological imbalance and qualitative heterogeneity of the production apparatus. The gap between the priority sphere and the rest of the economy under conditions of mobilization can only grow, leading in time to its disorganization.

The situation of mobilization creates extremely disastrous conditions for scientific and innovative activity. Within the framework of the administrative-command system, the scientific ethos is destroyed, and the scientist turns from a researcher and creator into an official-manager for access and interpretation of new knowledge, functionally merging with the state bureaucracy. The logic of events arising from the use of the mobilization management model leads to destructive and disorganizing results. Its limited application is possible only within the framework of individual projects, an indispensable condition for the implementation of which is the existence of an independent system of regulation and control and a strict time frame for its work.

Keywords: mobilization management model, science, quality resources, system of priorities, mobilization project, scientific ethos, administrative person

REFERENCES

1. Plusnin, J. M. (2022). Mobilization Management in Science. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 3. P. 85–104. DOI 10.19181/smtp.2022.4.3.7 (In Russ.).
2. Pyastolov, S. M. (2023). Mobilization Project as a Form of Science Regulation. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 1. P. 52–63. DOI 10.19181/smtp.2023.5.1.3. (In Russ.).
3. Jaremenko, Yu. V. (1981). *Strukturnye izmeneniya v sotsialisticheskoi ekonomike* [Structural changes in the socialist economy]. Moscow: Mysl. 300 p. (In Russ.).
4. Fonotov, A. G. (1993). *Rossiya: ot mobilizacionnogo obshchestva k innovacionnomu* [Russia: from a mobilization society to an innovative one]. Moscow: Nauka. 271 p. (In Russ.).

5. Chesbrough, H. W. (2007). *Open Innovation: The new imperative for creating and profiting from technology* [Russ. ed.: Otkrytye innovatsii: sozdanie pribyl'nykh tekhnologii]. Transl. from Eng. V. N. Egorov. Moscow: Pokolenije. 336 p. (In Russ.).
6. UNCTAD (2005). *Transnational Corporations and the Internationalization of R&D: Overview. Transnational Corporations*. New York, Geneva: UN. (In Russ.).
7. Whitehead, A. N. (1990). *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Moscow: Progress. 716 p. (In Russ.).
8. Merton, R. (2006). *Social Theory and Social Structure* [Russ. ed.: Social'naja teorija i social'naja struktura]. Transl. from Eng. Moscow: AST: Hranitel'. 873 p. (In Russ.).
9. Tugarinov, I. Vsesoyuznaya associaciya rabotnikov nauki i tekhniki dlya sodejstviya socialisticheskomu stroitel'stvu (VARNITSO) i ideologizaciya nauki [All-Union Association of Science and Technology Workers for the Promotion of Socialist Construction (VARNITSO) and the Ideologization of Science]. *Analiz opasnostei i otsenka tekhnogennogo riska*. URL: <http://riskprom.ru/publ/30-1-0-360> (accessed: 25.02.2023). (In Russ.).
10. Korovin E. (1930). "Uchenye" vrediteli i zadachi VARNITSO ["Scientists" pests and tasks of VARNITSO]. *VARNITSO*. No. 9–10 (In Russ.).
11. Pavlenko, N. (1999). «Akademicheskoe delo». Istoriki pod pritselom OGPU [Pavlenko N. "Academic business". Historians under the gun of the OGPU]. *Nauka i zhizn'*. No. 11.
12. Kapica, P. L. (1989). Pyat' pisem N. S. Hrushchevu. *Znamya*. No. 5. P. 202. (In Russ.).
13. Veber, M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress. 808 p. (In Russ.).
14. Blau, P. M. (1972). Issledovanie formal'nyh organizacij [Research of formal organizations]. In: *Amerikanskaya sociologiya: Perspektivy. Problemy. Metody* [American Sociology: Perspectives. Problems. Methods]. Moscow: Progress. P. 93–105. (In Russ.).

The article was submitted on 27.02.2023.

Approved after reviewing 10.05.2023. Accepted for publication 17.05.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fonotov Andrey fonotov.ag@gmail.com

Doctor of Economics, Professor, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Author ID RSCI: 462740

ORCID: 0000-0002-0015-2499

Scopus Author ID: 55746588800

Web of Science ResearcherID: N-6151-2015